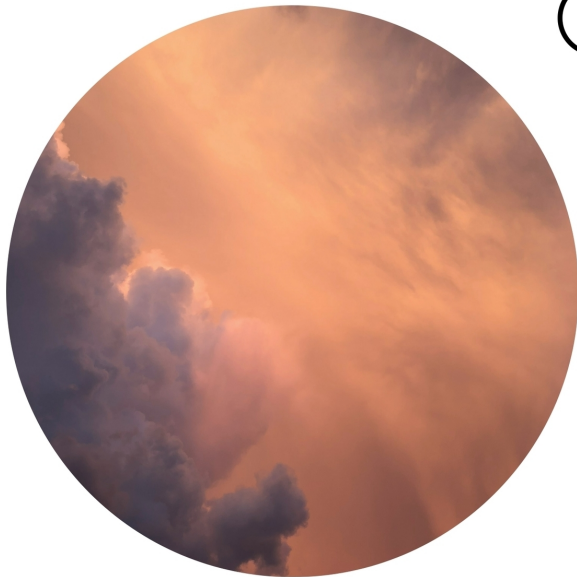

Варвара Еврейская

12+

Думать чувства. Избранное

Варвара Еврейская

Думать чувства. Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57191178

SelfPub; 2020

Аннотация

Это первая книга. Это первая книга коротких рассказов, экзистенциальных зарисовок, можно так. Лирический герой настолько занят своими мыслями и созерцанием, что давно не помнит собственный гендер, не имеет имени, возраста, серьёзных социальных связей и трудовой книжки. Вырисовывая словесными играми картину мира, изучая дотошно смыслы, подчеркивая красным слабости и недостатки человека, веря всё же в светлое, ищет его форм и зовов во всём, даже в полном отчаянии и болезненной оторванности. И если чувствовать чувства у него не получается, получается их думать и заполнять ими свои дневники.

Содержание

Думать чувства с 2016 по 2018	5
Спустя	5
Барселона	7
Схватки	9
Ничто	13
Отец	15
Думать чувства с 2019 по 2020	21
Back	21
*****	29
*****	31
Рождение	34
Барный	38
Виноватая	40
Антропологические реалии и фантазии	45
Мы	48
Одиссей, который я, и тот другой тоже я, и ещё несколько	51
Океаническое	56
Фил. Часть 1	59
Устали	63
ф. часть 2	65
Философское три	68
Философское. Часть 4	73

Электрону	76
Отчаянно поэтично	79
Фил. 5	81
Сильная женщина	83

Думать чувства с 2016 по 2018

Спустя

Какой-то неопрятный ребёнок бросил в меня мандарином и истерически засмеялся, размахивая кривыми ногами. Приближается Новый год. Я понял, спасибо.

Вокруг очень много светящегося: лица молодых девушек, которые считают, что им идёт праздничная улыбка, ценники, приклеенные к самым популярным товарам, типа шампанского и красной икры, огни вывесок и витрин, резко контрастирующие с серостью под ногами. И когда плавно проезжаешь вдоль этого светящегося пояса и рассеянно смотришь на него сквозь грязное окно автобуса, хочется сморгнуть то ли эту муть, то ли спросить морганием у всех этих огней, о чём они.

Совсем скоро мы встретимся. Через 10 приёмов холодной пищи, которые традиционно сопровождаются просмотром мультфильмов. Спустя 3 пачки сигарет. Пережив 5 ночей кровососущих снов с сосущими. Проехав около 100 бесцельных километров. Передумав прожитое, параллельно и по привычке осуждая этот процесс.

Переждав тысячу тоскливых вздохов. Злость на рождающуюся зависимость. Приступ милосердия к себе. Несколько

болезненных вестей...

А они все всё мигают, не уставая рождаться и умирать.

Барселона

Я буду там.

Нерешительно ёрзая на сидении, я стеснялся своего волнения. Предстоящие перемещения грозили новыми послаблениями внутренностей. А конец этого процесса может быть разным: либо ты обделаешься, либо тебя перестанет трясти в холодной воде.

Я смотрел в стеклянную дыру и видел, как крыло, будто нож в руках Дона Корлеоне, медленно и многозначительно скользит по мягкому маслу. Сам же я был твёрд. Во всех смыслах.

Тёмная вода то раздражённо отталкивала меня, то фигурно изгибалась вокруг, как молодая и пока ещё идейная стриптизёрша.

Я сидел на блестящем песке и, наверное, больше делал вид, что какие-то мыслительные платформы образую. Потому что кокаиновая истома этого города заставляет чувствовать себя самым несовершенным элементом всего окружающего. Беспомощным от восприимчивости. Не способным даже на инстинктивные действия.

Тёплая дорога уходит куда-то в высоту. Смесь растений, похожих на другие растения, бескомпромиссных тел в узких одеждах, вспышечных улыбок, контрастирующих с моей чёрной рубашкой, проносящихся машин и велосипедов,

запахов еды и веществ, танцевальной музыки и неизвестных языков. Она кружит тебя, как гончарный круг. И это кружение не поддаётся оценочности. Теперь оно тебе необходимо.

Ветер не имеет своего звучания. Он издаёт звуки того, что тащит на себе. Картонная коробка, скребущая асфальт, заставляет съёживаться от воспоминаний о моём городе, который долгие годы властно поедал меня десертной ложкой.

А теперь я нерешительно касаюсь своего механизма, находящегося между правым и левым полушарием, под затягивающее шипение воды, вычурных узоров где-то сверху и оставляющей ожоги лампы среди них с признанием одного: жизнь – это институт гедонизма.

И я буду там.

Схватки

Мокрый и размазанный, едешь в холодном чём-то, слушая подростковую музыку. Стало намного легче.

Январские схватки делали тебя стабильным, стабильно скрывающимся. На улице от мороза трещал даже асфальт, когда какой-то одинокий несчастный наступал на него, направляясь по приказу жены.

Ты заполнялся чувством презрения к себе. Этот персиково-лаймовый туман зимних рассветов покрывал твои зрачки и становился наваждением, как мороженое такого же цвета просится в неокрепшие руки начинающих людей.

Но ты слаб. Очевидный проигрыш природе.

А теперь наступила, будто разбуженная ударом, весна, напоминающая тайскую проститутку, которая, от количества укулов и мужчин, превратилась в сгусток без имени.

Бодрый голос по радио, заполненные бары, идущие в магазин за покупками семьи. Все подвижное. И я снова трясусь в заполненном воплями транспорте, думая о тишине. О той эротической тишине, которая нарушается только лёгким шорохом персиково-лаймового одеяла.

Ведь даже полумертвая весна – это время для чувства.

Нью-Йорк

Собака всегда грызёт свой поводок, даже если у неё самая упитанная и ухоженная попка среди местных сучек и кобе-

лей. Просто, из шалости. Просто потому, что это собака.

Я устал быть противно уставшим от праздности (иногда называю ее свободой, для вдохновения). Самая невыносимая усталость – от не занятости, лени, безразличия ко всему.

И я уехал. В город бездельников, которые делают слишком много всего, от чего он вопит 24 часа в сутки. В город мечтателей, которые не делали ничего, от чего он стал легендарным. (И теперь делает всё за них).

В Нью-Йорк.

Энергия. Так много человеческой энергии. Она с бесконтрольной силой сталкивается и яростно врезается в небо, своими брызгами покрывая всё: канаты старинных мостов, крыши исторических зданий, люки жёлтых такси, верхушки немногочисленных выживших деревьев, лениво дымящихся рядом с оранжевыми трубами рабочих, распахнутые гигантские окна ресторанов, истрёпанные флаги, головы беспечных туристов и то, что осталось от местных жителей.

Автобус грустно выдыхает, тормозя в Greenwich Village. Приехал, чтобы попасть под капли случайного кондиционера, как, возможно, какой-нибудь Боб Дилан, ходящий здесь взад и вперёд со своими манифестами. Или чтобы надраться дешёвым алкоголем в таверне «Белая лошадь» и в потёмках подсознания робко слушать стихи Дилана Томаса, представляя наше ликующее рукопожатие, полное тождественности мыслей.

Центральный парк зелен и чист. Идём дальше.

Пахнет свежим цементом. А нью-йоркские бабушки, прикрывшись жемчугом, читают книги, где только возможно (чудодейственная привычка).

Мои слова для кого-то, я сам, мои действия – смотанная проволока в центре зала, подвешенная к потолку. Кажется бредом и не вызывает доверия. Но. Для сматывающего – это важнее всего, может быть. Было важнее всего.

Вот так МоМА впервые заставил расплакаться.

Этот город очень мускулистый. Чувствуешь себя снова на последней парте. В вещах брата, замызганными ручкой руками запуганно вытирающего соплю (потому что весна и у тебя аллергия). А вокруг цветущие подростки, активно пахнущие и активно начинающие черстветь.

Здесь же ты сам справляешься с задачей немножко уничтожиться. Под чутким присмотром жестоких небоскребов и воды, стеклянной, пенящейся, такой естественной.

Сядишься у окна. Это паром.

Уже вечер, и внутри включили свет. Ты себя видишь, на расплывчатом силуэте отдаляющегося острова.

Это окно видело многих, но тебя оно запомнит точно.

Хотя бы оно.

Самолёт спокоен, как никогда прежде. Мои руки в тепле, а голова смиренно опущена на плечо. Она знает, что делать дальше.

Вставать на задние лапы и бежать к столу.

Писать.

Гудеть.

Дымиться.

Пениться.

Спешить.

Ничто

Шопенгауэру плохо без книг, Хайдеггеру без человека, Кафке без тишины, Цветаевой без страсти.

Эти ребята приучили меня, слишком впечатлительного мальчика лет двадцати пяти с особенной любовью к бутылке и онанизму, что всем необходимо зависеть. Упомянутые талантливые люди в своих трудах упустили одно: прежде — нужно Существовать.

Полная коллега бабушки, которая с детства приходила к нам домой, чтобы громко вздохнуть и пахнуть молоком, прошла мимо, не отреагировав на мое приветствие. Я грязный и злой, как и в пятнадцать. В чем дело?

Друзья приходят в дом, слушают музыку, курят в лицо студенткам медицинского, трогают их грудь руками с набухшими венами, разливают на пол джин без тоника. А я почему-то в это же время решаю оборвать засохшие листья (почти все имеющиеся) с единственного цветка в горшке.

Мама упорно настаивает на покупке машины в кредит и сближении с внучкой полной коллеги бабушки. Внучка любит цветы в горшке и мечтает об утреннем беге с фиолетовой коляской.

Ницше нуждался в маске, Достоевский в окнах, Куприн в трагедии, Моэм в красоте.

А я нуждаюсь в заботливом молчаливом хозяине, каким

был Сартр своему коту по имени Ничто.

Если вообще существую.

Отец

Здесь никто не говорит шёпотом. Эти люди давно разучились бояться того, что не может их убить: общественного мнения.

На улице солнце и холод. Особенно приятно лежать в кровати, упёршись в стекло, пока не заболит бок. Перевернувшись на другой, ощущать физическое наслаждение, которое на определённый период компенсирует скрученность внутри.

В последнее время, если напиваюсь, напоминаю себе пьяного отца. Всё детство ненавидел, когда он приходил, неуклюже разувался в коридоре, матерился в кухне, гремя крышками. А мама вздыхала и деловито поправляла растянутый заляпанный халат, недовольно перелистывая страницы эротического романа.

Больно ловить затылком такое совпадение.

С утра протянешь руку к подушке, чтобы извиниться. Перед собой и когда-то верившими в тебя людьми в Её лице. Но в доме пусто. И тогда обреченно тянешься к пыльному стакану с водой.

Решая отвлечься, невольно обрушиваешь на себя град мотивирующих статей. «Поставь цель», «Твердо прими решение изменить свою жизнь», «Докажи всем, что ты можешь», «Начни бегать» ... Знакомые купили квартиру, а ты вчера

подарил ей набор разноцветных жвачек и брелок в виде члена.

Соответствуешь прототипу, нуждающемуся в помощи.

За окном громко смеются две полные американки.

Включаешь любимый трек 2010-ого и пытаешься убедить себя душем, что с тобой не всё ясно, что ты не безнадежно-заблудившаяся бездарность. Что друзья всё те же, не продавшиеся, честные, что Бабушка обязательно когда-нибудь сделает свои фирменные котлеты для тебя и похвалит твою рубашку, а чувак с толстым кошельком и желанием помочь поднимет бровь от восторга, наткнувшись на разорванного неудачника, размазанного по буквам.

Отдавшись жестким струям воды и избивающим надеждам, не заметил, как громкий смех за окном сменился тишиной.

И песня закончилась.

Жалко забравшись под одеяло, написал в блокноте: «Я правда стараюсь».

И громко захлопнул его, швырнув к пыльному стакану.

Будут

Время выпускных – красивое время. И это я не про 2018-ый с отсылкой к 99-ому, благодаря безвкусным платьям на большинстве выпускниц. Это я про закаты, дожди и волнение нового неловкого движения, просачивающегося везде.

Между старой плиткой, зарастающей мхом, между панельками и ржавыми турниками, вечно их сопровождающи-

ми, между пальцами одинокого курильщика. Абсолютно везде. Потому что июнь. И потому что «красиво» не зависит от «уместно» и «необходимо».

А я зависаю... сейчас – на прослушивании аудио-наркотиков в непопулярной социальной сети и мыслях о том, почему я такой сложный. Доверяясь себе по-настоящему в этой нелицеприятной оценке, а не потому, что.

Это как с рассветом. Столько всего написано о нём, художественно, странно, абстрактно, неинтересно, поглощающе, пунктирно, наваристо, ногами... что всё чаще хочется увидеть тот, самый неуловимый, обычный рассвет, состоящий из 6 букв и 5 звуков.

Так вот. Сложный.

Как врождённое ожидание того, что все вокруг будут с тобой откровенны, открыты и экстремально честны. Будут также заговорщически и взволнованно, с ощущением возбуждающей привилегированности этой новой группы, приподнимать свои слепки и шептаться с тобой намного громче, чем положено. Но нет. Появляется только сложное чувство, разделённое на тебя одного.

Ещё с детства.

Я сильно плакал и потом давал старшей сестре потрогать насквозь мокрые волосы в доказательство того, как мир неправильно устроен.

(Ничего себе мы были близки).

Но сегодня я действительно хочу идти дальше. Потому

что сейчас я вижу, что всё движется вперед. С тобой или без тебя.

Свадьбы, на которые тебя не позвали, остаются запоминающимися, индейцы теперь носят левайс, а человек без ноги совершает пробежки вдоль океана.

Наверное, этот июнь я предсказал себе намного раньше. Когда решил, что миром будут править любовь, естественность и движение, а сложным человеком – давно кем-то упрямым рассекреченные, сделавшиеся им простыми истины.

Что за окном щедро сыплются яблони на головы счастливым выпускницам из не идентифицированного года.

И это не может не радовать. Здесь и сейчас.

Потому что просто красиво.

Зодиак

Она всегда легко определяет, что я сегодня ношу между висками. По коже. По пальцам. По одежде.

По глазам редко. Стараюсь их в такие дни держать закрытыми, чтобы не усиливать симптомы.

Я родился в День космонавтики. Думаю, это ничего не предопределило. Но в то время, как одноклассники хотели быть милиционерами, строителями и охотниками, я (может, из-за низкого роста или, скорее, потому что у меня в глазах часто стояли заранее пристыженные усапой учительницей начальных классов слёзы) всегда задирал голову вверх. Тогда же, наверное, пассивно сформировалось желание от-

делиться и понаблюдать.

Но вместо бычьего сердца и хромированных яиц получил неразвитые плечи и чувствительное начало.

И остался на земле, среди людей.

Я – косящий глаз прозрачного цвета с двадцатью-тридцатью несинхронно обломанными ресницами.

Друзья, неловко сталкиваясь с тем, что они так не очевидно избегали, а именно с твоими «вещами», неохотно комментируют первую и последнюю строчку, будто, набухавшись, пытаются напевать не самый популярный трек из 2000-ых.

А был бы космонавтом. Долбаным космонавтом с головной болью от кислородного голодания, испражняющимся пристегнутым к толчку и неприспособленно улыбающимся несколькими месяцами спустя перед камерами с атрофированными мышцами.

Другой же разговор. Герой.

Приземляюсь на локоть.

Кровь медленно погружается в замыленную дырку ванной.

Видел бы дизайнер журнала, в котором меня не напечатают, данный паттерн. Да и это не помогло бы им разобраться с обложкой.

Необходимо успокоение тревоги. Пусть рёбрами.

Но ты протягиваешь мне руку. В который раз.

Ведь я всегда ищу.

(Такой вот трикстер).

Что угодно.

У тебя в лице.

Между знаков зодиака из родинок, сосудов и сильно синим глазом с крепкими, устремлёнными в бесконечность ресницами.

И на том их конце зияют Ответы.

Смахни же скорее.

И полетим дальше.

Думать чувства с 2019 по 2020

Back

Бодро забрасываю вещи в чемодан. Какой-то озлобленный ублюдок в последний раз пнул его ногой, и осталась очерченная вмятина. На память о людях, которые давненько не копали. За последний месяц я, в свою очередь, устал откидывать за спину горы умершей земли. Остановился всего на пару секунд, когда упёрся во что-то твёрдое и невыносимо звучащее при контакте с камнем.

Ты, наверное, приключенчески думаешь, что это клад.

Я же заранее знаю: там ржавая банка.

Но и этого времени хватило, чтобы запыхаться. На пути к своему месту в проходе.

Я на улицах Катманду. Бодро шагаю, растворяясь в химических элементах.

Я не приехал что-то открывать или фиксировать для удушливых телефонов.

Я даже подразумевающе не посидел на каком-нибудь обрыве с видом на горы, теперь уже оттеняющие устроенный

человеком быт внизу.

С тех пор, как я родился, я не был спокоен. Но что-то в этих уличных специях, лоснящихся улыбках и настойчивом гудении колес есть, умиряющее дух.

Сейчас я эмоционально заблокирован.

Добровольное самоконвоирование до безопасной точки.

Тяжелая ноша.

Примерно, как работа хирурга. Одно неверное движение или нарушение техники безопасности – и эта двадцати трёх-летняя крошка, страстно любящая задрать рукав выше локтя и впускать в себя всякого охотного, щедро поделится с тобой миром разной неизлечимой боли и тяжело преодолимых трудностей.

Но отверстие с ушко иглы я оставил.

Поэтому, переместившись в Лондон, словил себя на мысли, что сегодняшнее утро работников Макдональдса кажется мне дружеской воскресной погожей пробежкой под инди-музыку.

Было достаточно невыносимо.

Там я много читал.

И увлёкся решением задач.

Ровно до столкновения с реальией, что нельзя делить на ноль.

Ноль.

Порожек, за который не один ползущий, пытающийся идти, зацепился и распластался.

После я полетел на Север. Грелся собранным вручную чаем и подолгу молчал с людьми.

Гладил оленя, слезился от снега, кормил собак и смотрел единственно работающие государственные каналы, рассказывающие не про ту страну, не на том языке, не о тех людях, не в их домах и не на их работах.

Последней точкой перед возвращением стал дом.

Мой обессилено пытающийся не опираться на трость город, одолжающе горящий, ослабленно бегающий и, в целом, сильно поникший за время отсутствия достойной терапии.

Друзья, бокалы, рано звонящие родственники, оставшие-

ся далекими после преодоления 10 000 км, новые места и ноющие, как неправильно сросшаяся кость при смене погоды, старые ощущения в них.

Поддержать за руку сестру.

Она такая пульсирующая.

Все остальное не важно.

Обнять мать моей матери.

Её слезы теряются в морщинах, которые я с детской жестокостью помогал зарабатывать.

Заполонила колючая нежность к её гордой сутулости.

Ещё пару лиц, телепатически сопровождающих меня время от времени.

Я их принял.

Но тащит назад.

Отсутствие дел, чем существующие дела.

Нежелание стоять.

Голым.

Видеть в себе мальчика.

Юношу.

Чаще старика.

Страх. Продуктивного сомнения, которое рано или поздно с собой что-нибудь приволочёт.

Чувства захваченного внутри пространства. Без согласия.

Раздражённость словом, которое много ниже человеческой сути и не закономерно охватывающее его полностью: государство.

Выдох. Короткий.

Приземлился. Грязные чемоданы безразлично проезжают мимо, полицейские звенят нецензурной лексикой и кобурой.

Таксист машинально машет.

Она ставит чайник, кладёт руки на поджатые плечи.

Рукав свитера щекочет шею.

Ключ в двери проворачивается дважды. Моею рукой.

Я остаюсь здесь, с тобой.

Чувство непрекращающейся тревоги не ново.

Ощущение не контролируемости всего себя не ново.

Раздражение от пустоты собственного досуга не ново.

Боль от слабости не нова.

Злость из-за маниакального анализирования прошлого и настоящего не нова.

Внезапное вдохновение и тугая наполненность силами, энергией, идеями не новы.

Глупые слёзы, с подростковой жестокостью вытолкнутые на сцену песней или моментом, не новы.

Тихое поражение и следующее за ним необратимое падение в кровать не новы.

Страх перед всем в твоей комнате, в твоём компьютере, за твоей дверью, в них, в себе, в сейчас, в завтра не нов.

Разочарованность честностью и вызванной этим изолированностью не нова.

Слепое и упрямое ожидание магического момента не ново.

Усталость от своих деталей и желание раскрутить себя ржавой отверткой немедленно и так и оставить – не нова.

Внешнее бездействие от бессилия, так похожее на лень и ожирение, не ново.

Понимание абсурдности происходящего и парализующая невозможность его остановить не новы.

Привет.

Человеку многое нужно переживать в абсолютном одиночестве.

Это психосоматическое кардио.

Я не этот неудачливый жук, которого только что равнодушно смыли с лобового стекла.

За мной гонится многотонный грузовик.

Но я бегу.

Подкручиваю эквалайзер. Вроде разобрался.

Это не косно, это классика.

Но я осторожничаю, конечно.

Так приятно блуждать бесцельно в человеке.

Засматриваться и вчитываться.

Быть загипнотизированным винным ободком на его шагающих губах.

О таком трансцендентном путешествии тебе не расскажут в глобальной сети нарисованные поверх себя самих мальчики и девочки (экономим).

О нем можно или кричать в матрас каждое утро, или, решительно глотая неестественный стыд быть голым доверчивым и нелепым сантиментом, проталкивать шёпотом: «Спасибо».

Дрожь.

В любом из двух вариантов есть, чем подпереть руины.

Не ново рождаться.

Не ново исчезать.

Не ново заканчивать так свой стих.

Остается всё, что между.

И это как раз тебе.

Медленно тает дым

Он говорит: «Хватит»

Ты заполняешь лениво анкету

В графе про партнеров – только слезы

Слепишь его техногенным светом

Грязно-жёлтым, чтоб было легче

Вы заботитесь друг о друге в перерывах между обедами

и объятиями

Всего много больше, чем планировали

Тоска не переводится на английский, ты знала?

Думаю, нет

Потому что ты ходишь по касательной

А я всю жизнь импровизирую

Но это тебе не джаз, глупенькая

За сеткой спят мошки

И у нас есть время запланировать, наконец, свои путеше-

ствия

Бирма, Аляска, Венеция и куда ты ещё хотел?

Да, Мачу-Пикчу, я помню, из-за последней парты

Ковыряю старый шрам от утюга

Рисую твою большую спину впереди на узкой дороге по

зелени, вдоль голых неандертальцев

Они по ту сторону стремительного

Будут открыто разбирать меня

Но мы окажемся намного ближе друг другу

Идёт третий час

Теперь собираю название для книги

Пока лидирует «Мам, убери это»

А всё остальное, по сути, номенклатура

Мои Мыслеформы напоминают глиняные посуды без опознавательных элементов

Сунь руку – узнаешь

Выстилаю их дно названиями книг и фильмов

Абсорбируют

Дым давно мимикрировал

Время приближаться к окну

В комнате всё сине-чёрное

Силуэт балкона разливовывает мой голый живот

При безынициативном участии возбужденной луны

А за ней ничего

Но все не спящие настойчиво смотрят вверх

Наберется целый город таких

И вырвавшиеся акты перерождения на стареющих ветках
будут покачивать наши вспотевшие веки

В мире много разной боли

Но, кажется, мы победим

Опять кажется, что везде кривой

Ото всех голОв бежать

Удалять, подчищать, вместо ничем не заполнять

Пускай сами

Кусать губы, что так

А как иначе ... не понимаешь

Если бы понимал, всё равно лбом упирался бы в перекла-

дину

Она вроде на два метра выше, приходится даже щуриться
и сильно нос задирать

Но вмятину между бровей рука снова и снова находит и
обезнадёжено натирает

Мы не про дурачка Ваньку

А может и про него

Устал классифицировать

Оценочность – это, похоже, первое и последнее, с чем че-
ловек сталкивается

Первое, что хлопающая по моей жопе тётка в больнице на
окраине приказала жить

Значит, спасибо

А последнее, что эту жопу, только на сколько-то лет стар-
ше, совсем не хочется укладывать в безвкусный и тесный
ящик

Не нравится мне он
Но всё равно: «Пожалуйста».

Мрачная сказка для маленьких взрослых, которые всё в своей игрушечной кухне ворошатся и чувствуют всё сразу

Нож в правой, вилка в левой

Этому научила кукла Катя

А чувства все сразу

Видимо, не дано

Ибо уже не знаю, на что уповать

Может, расстройство какое

И с этой какофонией разные двери тяжёлые на себя тянешь, ноги вытираешь по привычке (а они вроде с ними на кровать)

Набираешь сообщения, в книгу боязно руку запускаешь, как бы проверяешь температуру; плечи его истерично охватываешь, как в военных фильмах 50-ых годов, людям приносишь их обезболивающую пропаганду, потому что вроде после нескольких глотков подпускает, там говорили

Вот так

Не новость

Не провалившийся в ТЦ потолок или смена власти у тех, что 10 часов в одну сторону лететь и ну их нахер, жарко и все разноцветные

Но может, я та самая победоносная крыса, что учёным конференции с папарацци организовывает и грандами от корпораций обеспечивает

Препарировали же сотни, а получилось с одной
Невезучей...

Осталось смириться, что это в моей правой руке нож, а
левой я свою тушку к столу прижимаю.

И в таком случае – думать шире, безжалостнее и ещё ши-
ре.

На эти маленькие трясущиеся руки смотрит не глядя всё
человечество.

Рождение

Я всю жизнь очень много придумывал

Никогда не пытался объяснить себе, зачем

Знал только, что делаю это просто так, потому что нравится, самым естественным образом нравится

Зачем цель

Ему всё равно, правда же? Просто придумывал и всё

Отпускал себя – и всё

По прошествии лет (продолжая придумывать, конечно)

Обнаружил одну только серую зону

Придумки имеют свойство изображать реальность

Встраиваются идеально между «а» и «б»

Это теперь все знают, что «и» осталась

Тогда-то ошарашено смотрел на вопрошающего, даже злился

Слепое Ощупывание Очевидного меня всегда бесило

Когда в мыслительную негу проваливаюсь, в воспоминания, например, скажешь, следовало бы держать в уме, что этого могло и не быть

Или было, но не совсем так (Ты дотошный, конечно)

Я так не делаю

Я не готовлюсь

Ногами оттолкнулся и поплыл

Без шапочки, чтобы, как в кино, волосы... и красиво

И выделенные активностью мышцы переливаются

Ух

Подводка утомила

А история короткая

Меня другого, правильного, чистого, в околоплодных водах, если хочешь, не существует

Никто не знает, каким я был до того, как проснулось сознание

Моё оказалось голодным и расстроенным (Инструмент)

Но очень плодотворным (Гитара)

Я это ещё в детстве понял про сознание, когда тупил в окно у бабушки

Летом

В доме никто не возился, к десяти Бабушка уже обычно всё поделала и читала в общей комнате, издавая периодически старческие звуки

Я валялся на слишком мягкой кровати в соседней комнате

Было очень глухо

За окном пекло в головы насекомым

Они отмокали в тазике с полотенцами в летней кухне

Мотоцикл лениво трещал где-то неподалёку, чтобы от него отстала нетерпеливая, замазанная чёрным рука соседа

И всё

Больше ничего

Верхушки качались

Мы их внизу не слышали

Я лежал, иногда раздражённо, от безделия, дергал рас-
ставленными ногами

И думал о себе

О других

Ковырялся в разбитом локте

Хотел взрослеть, стареть даже, чтобы успокоиться

Уже к десяти доделывать дела и читать в углу взрослые
книги, где умные люди общаются с умными людьми в умных
обстоятельствах

И всё про принятие.

Было это или нет

Неважно

Это самое частое воспоминание, в котором я вишу

Как какой-то условный Иван после работы

В одно и то же место ключи, на стул шмотки

Жопу в ещё не до конца продавленное кресло, но уже ско-
ро

Вот так и я.

Я придумываю и буду придумывать, наверное (всё сомне-
нию, помню)

Куча неловких ситуаций, я всё забываю, естественно

Бывает стыдно сильно (социальный стыд)

Нет градации, с кем я придумываю много, а с кем совсем
нет

Со всеми и тогда, когда хочу.

Друг сказал, что его тошнит от моих выдумок

Ладно.

Я же не могу ему объяснить, что никто не знает, каким я был до того, как проснулось сознание

Его в той комнате не было

И его дорисовывать я туда не хочу.

Так что оставим всё как есть

Продолжай держаться покрепче за свою пуповину
необъятный же, свободный, безвременный я

опускаюсь

Выныриваю

опускаюсь

И волосы, мышцы, волосы!..

Барный

Стягиваю резинку с волос

Всегда в слоу-мо, не приходится переключать режим

Открытые окна засасывают прядь, выбирают единственную послушную

Сегодня ночью лето и уверенность в себе

Выдыхать через музыку

Что-то непопулярное, но уже есть в айтюнз

Всё чаще хочется, чтобы вдруг, из вихря материализовалась состоящая из излишне наглядной принадлежности к «строго чёрному» (дисней и мои детские травмы) ведьма и сделала так, чтобы изо рта отныне вместо слов вылетали пузыри

Уже вижу: осчастливленный, бегу за ними вслед с выставленным указательным пальцем

Для феерического вскрытия

Смешно... и досадно

Как стать бездомным, чтобы спокойно не оставлять чаевые за каждую надколотую кружку жёлтого не пенящегося пива в баре на углу

Девочки не ждут

Игра окончена

Бывает такая пауза, после искрометной шутки или очень интересной истории, глубокого чувства, которое не нарочно

подглядели, выныривающей на секунду из-под больших моих рук, давящих эту голову под воду, наготы
Неуместной, постыдной, заведомо распятой
Эта пауза не оставляет после себя ничего
Как фиолетовая лампа над белыми детскими кроватками
с приклеенной бумажкой
Воздух становится пустым
А подушки пропитаны визжащим звуком уничтожения
Звуки
Человек способен архивировать сотни звуков
Кристаллическая степень автоматизации
Вынесете этот факт на первую страницу отчёта о проделанной в этом триместре работе, товарищ
У этого предприятия большое будущее
Брызги высохли на футболке, как и то, что накапало на бумагу между 12 и часом ночи
Краснеющие лица, кричащий по периметру мужчина на фоне наклеенного поверх серой стены майского Лос-Анджелеса, трудности перевода, выдувание с обморочным усилием из себя каждого слова, психующие ноги и маленькое собственное лицо в зеркале в форме вопроса
Всё это только что унёс ночной ветер с прядью волос
Птица совьёт из них гнездо
А я продолжу оберегать своё от разорения хищником
Мы не смотрели друг другу в глаза, но я знаю, как он звучит

Виноватая

Подайте корзинку, что вы так стали на проходе – простите.

Наступил, животное, на белые кроссовки – простите.

Ты ужасный человек, не ужасный, я не умею быть таким категоричным и несовершеннолетним, не знаю, какой – простите.

Потише, голова болит, я тут реальные проблемы решаю – простите.

Ты в этом не участвуешь, боже упаси.

Носишься со своей отличительной...

Скорее, разделительной. Красной.

А что остаётся? Доигрывай.

Друзья гудят одобрительно, но озираются.

Тоже, однако, нервно подтягивают под подмышку свою красную

Или серую.

У кого как.

Мы все разные! Вдолбила.

А когда гул рассеивается на затылке его источников в крадущемся от меня поезде,

какой-то ты с плакатом на уровне груди остаёшься нелепый.

Лозунги вчерашние, анимация говно, и акционизм твой бледный, надо сказать

Яйца давно отодрали, а место осталось вакантным, бездарь ты.

И вроде не собирался сегодня извиняться,

А приходится.

Подставили, революционеры.

Двери бережно закрываешь, новый замок, щёлкает,

Промазанный!

Телефон не пищит, его уже за уши истаскали, такие дурацкие детские привычки.

И мне хорошо. Решение!

А как только приходится: и само просится, и люди настаивают.

Всегда потом, как после катамарана на девятое мая! Сначала с братиком бодро, надрывисто, потом с тёткой (у неё шурупы в суставах) и вот это вот всё: «ага», «а она что», «а вы что»; и напоследок с одноклассницей. Уже зелёный, пот проступил над праздничной поло, и настроение с рваной подташнивающей дырой внутри, которую прикроет только внезапный салют, отражающийся на её мокрой отвисшей идеальной губе.

Никто не виноват,

Но я все равно извинюсь.

За то, что по локоть в ухе, а бумажку с правильным ответом никак не вытяну, все пустые бланки без даты и подписи, и не то, чтобы за мной возмущённая очередь, но всё равно неловко.

За то, что плакать хочется в плечи, которые колются и раздражают слизистую,

А в другие я пока не научилась.

За придавленный палец (ноем до сих пор), когда хотел прокрасться в первом классе на тайную вечеринку в туалете, а тебя не пустили, но опухшая верхняя фаланга была как все.

За то, что часто не то, не вовремя, вырвалось, крикнуло, замкнулось и болит

Болит годами, чокаясь, смеясь, поддерживая, наряжая, танцуя, прощаясь.

Это не ода маленькому человеку.

Простите, если вы так подумали.

Это стих про молчание.

Послушай.

Антропологические реалии и фантазии

«Зануууууда»

Я помню, как мне хотелось сразу губу поджимать, и глаза кололо так

И я ещё сдерживаться не могу

Я не понимал толком даже, что это значило и плохо ли это

Но остальные брезгливо фыркали и ждали, когда я уйду

А я не уходил, стоял и был

Им становилось неинтересно, и они сами кучей тянулись между машин на другую сторону дороги

Не озираясь даже

Аквариум

Рыбки Гурами

«Наблюдается внутривидовая агрессия»

Прочитал в энцикло...

Неважно

С тех пор давно, конечно, перестал нуждаться в кислородной трубке и чьих-то руках, которые раз в месяц почистят моё вместилище

Редко Проплывающих мимо рыб из прошлого предпочитаю игнорировать

Не из обиды или злобы

Сугубо честолюбивая Избирательность

Эта осень меня поразила

Было больше серого наверху, но солнце подсвечивало эту базовую палитру 6 дней из 7

Меня можно было снимать в рекламе страховой компании

Настолько я был располагающим к себе и обнадеживающим

Мне казалось, что я больше никогда не попадусь на удочку

Это были первые вспышки другого сознания

Новый уровень, при котором виды способны сменять друг друга, сливаться, создавать новые, выстраиваясь в идеально симметричные паттерны, эволюция за пару секунд, космический порядок с пространством для бесконечного искусства живого и непрерывного созидания, и тебе в нём предоставилась возможность поучаствовать

Ничто не могло превратить меня снова в то, что легко можно было поместить в буквы, давно собравшиеся в слово и что-то всем понятное обозначающие

Ловил когда-нибудь такое чувство? Или всё так же предпочитаешь отлавливать себе подобных вместо

Я не борец с данной нам природой

Я за уточнение, что ты под ней понимаешь

Борьбу? Силу? Страх?

Аллигатор, щёлкающий сытой одним из нас пастью как звук естества

Или всё-таки что-то, выходящее за рамки программ с нейшенал джеографик (это было гениально)

А что, если природа – это ничто уже осмысленное

Это не гармония в своей жестокости и отвратительности

Это не цикличность с периодически выпадающими элементами без возможности восстановления и замещения

Это не тысячелетняя история развития и становления

Не будет задания в конце: «Придумай сам»

Никаких довлеющих условностей

Это про то, как различные рыбки с сильно покусанными плавниками и прочая живность продолжают беспamięтно куда-то грести, пока в какой-то момент не обнаруживают у себя вопрошающие, упрямые, нацеленные ноги, смело преодолевающие сотни и сотни ступеней где-то между началом всего существующего, обозначенного и того, что только начнёт существовать без имени, становясь первой опорной точкой следующего толчка

И пускай этот новый вид назовут Человеком

Мы

Если бы я придумывал тебе имя или выбирал из имеющихся – это было бы милосердие

Оно такое уже немного в рюшах, чуть-чуть молочного цвета вместо фальшивого белого, тёплое и одинокое, тихое и объёмное, пахнет задумкой и самое важное на свете

А ты бы меня, назвала, наверное, неудержимость

И добавила бы: «Но нужно учиться, конечно, самому останавливать себя»

Девятисекундный эффект плато

На подышать

Наши трогательные игры

В угадывании частей друг друга во вселенском вращающемся зеркале

Уже тысячи лет

Крайне затруднительно стоически всматриваться

Руками держаться нельзя

Но я слишком сильно люблю вещи с историей

И уже неплохо прокачался

Ошибки нужно принимать

Особенно свои и чужие

Сгрёб все её волосы с расчёски и зашил зип-пакетом

Ведь будет будущее!

Через час вернулся в ванную и спокойно выбросил

В этом новом мире она поплыла первой
Быстро поняла, что разницы почти никакой
Но остатки существенны

Поделились так, что я пока кричу за разницу, а она улы-
бается за единство

Если жмурюсь в свирепеющих попытках схватить эту его
вёрткую иноземную душу мизинцем, она, танцуя, палец мой
себе за спину, скрепляя своим.

Я не держал в руках пистолет
Но посмотрел «Зелёный слоник» в 17

Не знаю наизусть гимн и не увлекаюсь спортом

Зато хорошо запомнил, что человека нужно сразу набок,
чтобы не захлебнулся

Совсем не умею делать деньги

Только пишу отличные поздравления друзьям и бабушке
на День Рождения

Это не про values, так что-то, вспомнилось

Мы одно, понимаешь?

И когда я громко и упрямо не верил в своё появление на
свет, это было очень похоже на твои четыре буквы, я помню

И медсестра до сих пор эту байку всем рассказывает

И какие социально-активная одичалость, культурные без-
различия, сдуревшие страхи будущего, стихийные одиноч-
ные упадки и коллективные молчаливые взбирания, жизнь
во всём её космическом ужасе и оргазмическом великоле-
пии! Может нас надкусить

Нет

И это самый милосердный и неудержимый ответ

На вопрос, который никто не задавал

Все увлечённо крутятся в зеркалах, высаживая нещадно
зрение в ноль, пытаюсь что-то понять и кого-то найти

Одиссей, который я, и тот другой тоже я, и ещё несколько

Порой просто нужно совершить волевой рывок

Лёжа, можно видеть только плоскость

Эдакий выдвигающийся на глазницу транспортер делает это возможным, собрат тому, что обычно лежал задушенным другими в маленькой мисочке возле кассы, и Мама его хватала в последний момент

Подвижное, многомерное, невозможно красочное, заполняющее своей величиной периферийное зрение... помещается теперь под негусто-жёлтым транспортером за 2.99

Но стоит задействовать мышцы пресса

Треснув, вылетают оси – и что мы видим

Объёмные бесконтрольные 180

Небу это обязательно нужно!

У совы 360

(Подвижность – недооценённый источник полезных возможностей)

Даже если всё двуцветное

И вообще отсутствует в непосредственной близости
180

Остальные – вольное предположение

Или паранойя (а.к.а. прочное знание, до пощёчины)
Рывком закрыть расползающиеся двери старого купе

Пусть ты скучающий проводник, пусть хочется чувствовать себя причастным хоть на секундочку, без понимания, открыть, чтобы открыть, сказать пару неловких этим влюблённым заговорщикам, быть выпихнутым подтверждённым стереотипом о профессии и пойти к следующей двери в надежде на эмоцию, на бунтующее

Всего одно спокойное слаженное движение обеими руками – и растворяйся в игре с улавливанием вибраций, с какими движутся перемены

Вот ещё окно и лес

Кто-то на вечеринке машет руками, орёт, доказывает, перебивает, яйцами своими умными, крепкими по голове собеседника хлещет, свободной рукой от чужих отмахивается
Краснеющий, в самосовокуплении

Глокает вино в спешке, чтобы скорее сказать! Это же битва, ты что, не видишь?

Вот этот чувак напротив точно видит!

Это я, то есть какой-то я

Как у Путина или у Голядкина

Так проще объяснить

И я другой, который, наверное, где-то в это время и задолго до высиживался в скалах в сопровождении страшно тихих птиц, которые терпеливо выжидают мою ненужную уже никому печень, лежал, наверное, часами под этим долбанным транспортом и таскал большие камни для усмирения плоти

Смятенный Одиссей с большой продольной морщиной, без корабля, без курса, лишь простукивающий стену с покинутым, кем-то уже опустошённым, туго заполненным, чему не время быть потревоженным, с полуоткрытым – в своей голове. И сердце. Цыганское, его в этой части мифа не выбирал

А небо обязательно продолжит просить земли, совы выживать, проводник грустить, люди влюбляться, наш Одиссей хмуриться, а маленькая Вика возводить в абсолют поиск

И всё же тянуть руки к рывку. Или смирению

Оно там рядом

злюсь

Я считаю себя полнейшим идиотом

Вчера какой-то мужик из телевизора заставил сильно скукожиться

Он посмотрел на меня с экрана и уверенно произнёс: «Ты бесталанная мразь, хватит»

Я долго потом жалко прикрывал дрожащей рукой его не останавливающийся рот и беззвучно плакал

Сегодня я дискомфортно восхищался, заминая край страницы, где другой человек расписался под моим именем, обозначив: «Ты не готов. И, возможно, никогда не будешь. Почитай пока меня, вот, что я придумал, круто, да? Ты бы хотел придумать что-то похожее до меня, я знаю. Рассказать не забудь другу, как я тебя впечатлил своими стихами, но обязательно утай тот самый, обличительный. Прощай или до встречи. Не уверен. И мне в принципе всё равно».

Ходил по улице, играло что-то невнятное

Листья не падали, не хотели, наверное, слушать нытьё от очередных потерянных ног, бесцельно ступающих по асфальту

Ни капли, ни листочка, ни жучка

Один

Меня снимали в кино

Малобюджетная картина

Городские зарисовки

Назвал: «Никто никогда не узнаёт, кто этот человек. И

осень»

Представляешь, каким надо быть идиотом, чтобы делать с собой такое

Чтобы кивать, виновато сморкаться, смиренно стряхивать с головы (а оно нещадно путается в волосах), часами ждать реакции, одного, любого, возглас (обычно – снисходительно-одобрительный устраивает, люди учатся говорить «нет» ближе к пятидесяти), заминать пальчики на 11:11 на часах каждый чёртов раз, извиняться за словесную навязчивость, стесняться произносить вслух и быть упрямым, придавать всему этому больше, чем значение; грести медленно, чтобы ничто не потревожить... в напуганной забитой надежде. Раз в месяц запуская руку в блокнот

Идиот

Люди сомневаются, люди надламываются, люди боятся, люди мечтают, люди завидуют, люди не знают, люди восхищаются, люди ждут, люди притворяются, люди сравнивают, люди ленятся, люди соревнуются, люди сдаются, люди ищут, люди помогают, люди верят, люди прячутся, люди радуются, люди смеются, люди любят, люди добиваются и люди отпускают

Но только идиоты не дают себе прочувствовать всё это на пути, придушивая своей рукой чужие руки на собственной шее. И часто неплохо справляясь одной той, что сверху

Идиот!

Но я о тебе позабочусь

Океаническое

Птицы роятся где-то вдалеке.

Как мошки над кустом, стоящим обычно на пути к подъезду, на той половине, отведённой ЖЭКом под озеленение жилого пространства.

Над кустами, обычно их целый ряд.

Пройдя мимо, потом ещё минут 5 они мерещатся перед глазами и в них.

Да, вот так птицы кружатся вдалеке, теряя всю свою красочность и разнообразие.

Просто чёрные галочки, точки.

Вода шумит не прекращая. Всё прекращается, а вода шумит.

Птицы улетают, вода шумит.

Люди расходятся, она всё ещё.

Солнце садится – всегда в движении.

Я вышагиваю свои чувства.

Я их вышагиваю, потому что говорить разучился. Что-то подтягивает, что разучились слушать. Но в это лучше встать мокрым ботинком, а потом оторвать его и занести снова на 20 см вперед.

Занимательная робототехника.

Я их вышагиваю, конечно же не старательно, конечно же, концентрируюсь на самом губительном, обижая другие, в

конце концов – хлопая, чтобы понимать, откуда писать новую дорожку.

На что-то надеясь, что с этой мы всё.

Бывало, слёзы так и топят воротник пальто, это неприятно – мокрая открытая шея.

Виновато улыбаешься проходим, типа бриз, холодный ветер, океан, чувствительность слизистых, и красота такая, ну, вы знаете. И они подыгрывают, хорошие люди.

Я начинаю всё обесценивать.

Всех участников моей жизни (большинство из них без имён, без лиц, без голосов, их не поможет найти ни одна легендарная команда супергероев и не одна социальная сеть, даже из будущего, может, только «Одноклассники»), их слова, их образ мыслей и философию, принадлежащих им животных, их отпуска и любимую музыку, их нужды и требования, их громкое дыхание и их кукую бы то ни было для меня значимость.

Обесцениваю свои тоску и одиночество. Когда так, что начинают свистать углы и щели в окнах, и я – уже умирающий от туберкулёза, не меньше, в комнате для обездоленных. С закончившейся свечкой, под коротким одеялом.

Обесцениваю молчащих и кричащих.

Обесцениваю присутствующих и покинувших.

Обесцениваю реальных и контекстуальных.

Обесцениваю пользователей и добродетелей.

Обесцениваю сосущих и выплёвывающих.

Обесцениваю пройденное и грядущее.

Обесцениваю это и вселенское.

Обесцениваю страх и сжатый кулак.

Обесцениваю бессознательное и не верю в со-.

Всё тем же топчущимся на берегу ботинком и маленькой уставшей головой.

Обесцениваю, чтобы себя успокоить, ощупать.

Потому что, если этого нет или почти нет, с этим нельзя быть спутанным.

Вот так ты вычёркиваешь всё мироздание, мелком Шрёдингера.

Ты христианин.

Это твой путь к принятию.

Он просто очень свой, как у России.

Ты больше не спрашиваешь, почему вода шумит.

А шумишь вместе с нею.

Выводя растворяющееся на исчезающих глазах пяткой зияющие круги

В гармонии временного отсутствия.

Фил. Часть 1

Интересно чувствовать, как ты начинаешь терять фиксацию на понятиях и явлениях, которые когда-то казались незыблемыми или просто притягательными и важными.

На событиях, которые ты окрестил решающими. На людях, в чьи уста были вложены самые глубокие мысли. На собственных, подхваченных всё ещё сморкающимся рассудком после затяжного гриппа манящих, внедряющихся, разрушающих основы, не дающих расслабить то, что уже научился, было, расслаблять, ценностях. Всё чужое, но не опасное, если есть иммунитет.

А у тебя пока в качестве защиты – размашистая волна руками под внутреннее сухое техно. Ой, было техно, теперь хаус.

С пальца не так уж легко стряхивается, висит «успех».

Видится, что «успех» способствует развитию расстройства пищевого поведения

Съел первую конфетку, вкусно.

Хочется следующую, побольше, в другой, а ещё лучше – странной упаковке

И чтобы, желательно, все её съесть хотели, а ешь ты.

Ешь и уже фантазируешь о следующей.

В этой зарисовке я максимум хочу быть тарелочкой для тех самых конфет, чтобы наблюдать с удобного ракурса и делать выводы.

Страшно же, ведь можем повторить.

Общество достижений располагает, и на одной ступени у тебя ножка будет еле помещаться, а на другой ты уже сможешь неплохо и комфортно припарковаться, щурясь от пресловутых недремлющих затворов.

«Чистый» андеграунд же уничтожен собственным величием

И телефоном в каждом мимо проходящем кармане.

Оставшийся – это когда ты вроде вне игры по собственному желанию, но категории эти признаёшь, и в любой момент может вмешаться какой-нибудь Дядя, чтобы помочь.

Не так мрачно, но всё же не те криво напечатанные на машинке с переклеенными поверх опечаток буквами из газет крики самиздата.

Всему своё время и место, просто так, решил вспомнить.

Так что я не выбираю полюса, выбираю оставаться человеком ищущим, человеком идущим, человеком мыслящим, человеком создающим.

Поток.

От него не зависит, упадёт ли в него потерявшийся оленёнок, метеорит, если он просто станет частью чего-то большего.

Всё на уровне момента, экспрессии, а в забетонированных смыслах много мыслительных загустений и повинования природы придуманному.

Чистое творчество и художник, не оценивающий свои приобретения через лупу материального, существующий поодаль от него, в спокойном невмешательстве, возвышаясь только над собственным эго, требующем шума голосов, подсчитываемых голосов.

Если всё-таки говорить про функциональное участие во внешнем, то здесь не повезло. Моя природа не даёт окончательно отсоединиться от всеобщей раздающей розетки. Я не могу, как с Тео, что-то внутри не позволяет «паразитировать» на теле другого стремящегося.

Так что пробую, чтобы каждый «я» отвечал за свой сектор.

Целостность, она в налаженном круговороте взаимосвязи разного друг с другом. Ради цели – быть в движении. Быть на расстоянии и в центре. Быть уверенным и меняющимся. Погружаться снова и снова в сомнения и чувства – выходить

дымящимся, чистым, распутанным.

Остывать в потоке, смывающем стремительность и силу нажатия внешнего кулака. Обнажающем суть. Являя собой предназначение.

Без совершенства,

Не зафиксировать.

Мчится.

Устали

Дикаря можно причесать, приучить к туалету с лёгкой фоновой музыкой

Посвящать грамоте шаг за шагом

Сначала собственное имя, потом имена ближайших нянь-исследователей (мама/папа, другие пластиковые привязанности), и вот ему уже просится «и» между всеми ними. А дальше связи вроде как наматываются одна за одной. И смиренно укладываются в знаки. Язык – систематизация инстинктов

Дикарь заиграется на годы (это не история типа Маугли, ты уже начинаешь предчувствовать), стеклянную клетку на ночь начнут оставлять открытой. Он будет бережно хранить книги рядом с идеально заправленной кроватью и будильником

А потом щёлк – и дикарь умиротворённо рвёт удивленную глотку совсем недавно окончательно расслабившейся антилопе на фоне восходящего бурого солнца за углом от цивилизации

На твоих – на этот раз – немного разочарованных не моргающих умных глазах за двойным опущенным стеклом

И каждый окажется на секунду смоченным новой болью утром

Двинемся дальше

Я в стерильном халате по слишком освещённым комнатам
в поисках ответов

Я мохнатыми лапами по перегнивающим листьям в нику-
да

ф. часть 2

Вот так бывает, среди давно ощупанных мыслей

Будет одна, тоже ощупанная, но подчеркнутая в правильное время

80 процентов личного общения людей друг с другом состоит из обсуждения других

БАМ!

Но жизнь хороша тем, что всегда можно сорваться в свободное падение

Примером, хватит резолюций

Просто быть, держась за руки с другими, но с фокусом чётко на себя, изнутри наружу

Разобранные каким-то компульсивщиком до алфавита мысли легко рассасываются в слизистых общества; те же, что только притворяются первыми, проникают с иглой – и остаются

Примером

Жизнь хороша

Даже если её вечный собеседник смерть

И они наказаны задумкой на нескончаемое обсуждение друг друга

Нуар

Скрипя одеялом который час, я никак не мог уснуть

Мысли взбаламутились внезапно ступившей ногой, сде-

лав воду не привлекательной... как минимум на какое-то время

На балконе

Ночь холодна и порывиста. В застывших листьях вдруг рвётся ветер, пугая зависающего меня

Скоро март, и станет более однообразно

Что это?

Я зависим от боли?

В меня слишком многое проникает?

Или это главное условие, при котором я могу писать и считать себя живым

Пока чувствуешь и думаешь, неважно что, вообще-то; настолько неважно, что думаешь преимущественно деструктивно и с самого детства. А чувствуешь, как работаешь зрителем в музее современного искусства, в зале с абстракционизмом. От большого количества свободного времени скатываешься в разные краски, теряешься за образами, ковыряешься в формах и линиях, что уже, кажется, нет конца этому бурению

Но всё, чего на самом деле хочет твой глаз – это чистого холста с одной идеальной линией. Простой линией

Да

Вопрошаешь, отвечаешь. Смеёшься с ответа. Вопрошаешь, в этот раз с ещё большим подозрением

И всё это как-то не дожимая, игриво

Насмотрелся порнофильмов

Прошуршал халат? Показалось

А было бы здорово, если бы она проснулась тоже от каких-нибудь температур и пришла со стаканом виски

Или просто для того, чтобы посмеяться с меня, дёргающегося от пробегающей мимо белки. Здесь очень одиноко одному, даже с музыкой и мерцающими звёздами

Я счастлив. Мне не нужно себя уговаривать

Я просто не знаю, как остановится

Словно этот февральский дурацкий ветер, треплющий почти распустившиеся листья. Ты уже ничего не изменишь, чувак. Всё снова живёт и изменяется

Окна загораются и потухают, я подсмеиваюсь над собственным ребячеством так податливо реагировать

Меня за это всегда любили женщины

Большое количество нетронутого свежего воздуха приносит успокоение

Пытаюсь такие идеальные моменты ухватить, сделать секретным оружием агента, как нож в элегантной тужуре Бонда

Я освоюсь

Мерцание сменится ярким светлым днём

В котором объекты станут много чётче, как и тот факт, что я слишком юн и слишком влюблён в жизнь, чтобы безучастно и отстранённо следить за ней с другого конца кровати в эту чудесную Февральскую ночь

Философское три

Я хочу жить в ЛА

Чтобы горные черты поверх самых вызывающих закатов

Стучащие об бетон колеса скейтов

Смех развязных подростков

Запах травы и щедрого, не гордого солнца

Элвисы и не адаптировавшиеся хиппи

За каждым углом кино и повсюду музыка

Селебрити, которых легко не замечать за соревнующимися

в оригинальности домами и машинами

Говорящие внезапные важности бездомные

Загоревшие по шлёпкам ноги

Людское – адски дорого

Природное – счастливо бесплатно

Та самая, единственная, по-настоящему манящая Америка с плакатов 90-ых в каждой второй квартире любого спального района

У соседа висели эти пальмы с девочками на роликах и тачки с вычищенными, как зубы девочек, дисками

И он всегда, зависая часами на домашней перекладине для подтягиваний, говорил: «Вот это жизнь, нам бы такую»

Я хочу жить в НЙ

Бежать с кофе в огромных шарфах в цвет настроения между самыми известными стекляшками мира на какую-то

классную работу

Подбадриваемая матом из машин, стоящих в лютых пробках

Показывая средний палец подкатывающим работникам дорожных служб

Теряться от вдохновения между сотнями красивых, умных, талантливых, сильных людей, знающих будто, что с этим всем делать

Слушать джаз в три часа ночи понедельника, если мне этого очень захотелось

Искать 5-6 часов свободного времени для похода в один музей, такие их масштабы

Защищать свой город от словесных нападков всех, кому ни лень

Улыбаться туристам, немного от них уставая

Фотографировать экспрессию и выборы людей, уступчивость природы, архитектурные завитки, мутировавшую свободу, атмосферу денег, слои проблем, скорость, адаптивность, производительность, смелость

Смывать шум и пыль поздней ночью и засыпать под свет мокрого от дождя неона, который потухнет только на рассвете

Когда в свою очередь загорятся фары метро, экраны биржи и множества компьютеров, огоньки сотен кофемашин, плиты десятков ресторанов, кнопки миллионов лифтов, бесчисленные лампы в художественных студиях, классах, квар-

тирах, кабинетах...

И ты – часть. И ты – наблюдатель. И ты – убегающий и возвращающийся

Я хочу жить в Минске

Просыпаться от холода поздней осенью, когда ещё не включили отопление, и лезть за тёплыми носками в шкаф, которые вчера купил в подземном переходе

Ехать в гости к другу в предвкушении откровений, смеха, разливающихся от эмоций напитков и идей о бизнесах

Есть бабушкину жареную картошку и никогда не быть счастливее, чем в эту самую секунду, когда рукой с первого раза получилось достать ещё и солёный огурчик из банки

Поехать на выходных смотреть замки

Иногда очень зло и обречённо реагировать на говорящий телевизор

Ждать перемен, всё равно чувствуя прогресс, просачивающийся через, казалось бы, самые зашитые щели

Гордиться районом с граффити

Садиться в метро в наушниках и улыбочиво наблюдать за людьми, которых ты уже чуть-чуть бесишь

Подкидывать уличным музыкантам

Идти вдоль проспекта, разглядывая каждый раз, как в первый, здания, вызывающие смешанные чувства былого величия, красоты, утрашения, одинаковости, ненужной помпезности

Но всё равно та его часть, где коричнево-красный кирпич,

будет любимым местом в городе

Пить пиво на вокзале или поесть вторую корзинку в Центральном, всегда самые свежие!

Много мечтать, иначе будет совсем тяжело

Я хочу жить в Барселоне

Носить украшения только из ракушек

Загорать топлес с сигаретой в зубах

Танцевать в тесных барах готического квартала, вырывающих под нужды отдыхающих и без того ограниченное пространство улиц

Иногда грустить и сильно плакать

Жить в винтажных лавках

Заказывать вино бутылками

Учить испанский с молодыми студентами, с которыми познакомилась два дня назад

Смотреть на звезды над Саграда-Фамилия

Работать совсем чуть-чуть

Размахивать руками при разговоре так сильно, лезть обниматься и очень громко говорить и смеяться, потому что это естественно

Звать к себе летом людей со всех концов света

Забыв давно, на самом деле, что это ещё такое за разграничение – «отпуск» и оставшиеся 350 дней в году

Играть на укулеле, гладить кота, заниматься любовью всю субботу, писать книгу в тетрадке, которую потом потеряю на какой-нибудь дикой вечеринке

Водоворотом, полным натуральной гармонии

В песке, креветках, апельсиновых корках и веснушках

Вот так

Места – это просто места

Места – это символы и знаки

Места – это мы в облаке воспоминаний (или придумок, давно не трачу время различать)

Места – это какие-то другие мы, будто есть мы обыватели и есть мы супергерои, которые свободнее, безумнее, умнее, успешнее, сильнее, красивее, счастливее, талантливее, осознаннее... господи! Этот перечень.

Места – это наше их ощущение, очень выборочное и нестабильное, тем и прекрасно, а молчащее и позволяющее поиграть в эту игру соседствующее знание, порой, лучший способ разрешить конфликт

Места нужно хотеть время от времени, но улыбаться окружающему тебя контексту

Себя настоящего собирать повсюду и суммировать, как фокусироваться на картинке при проверке зрения

Что там обычно, домик и кустики?

Невольно до боли щуримся, прикрывая подгоревшей рукой глаза, пытаюсь найти что-то важнейшее там

Сладостная Фата Моргана

Сделай выводы до шторма, путешественник

Философское. Часть 4

Сколько-то десятков лет назад публично грустили, страдали, сдавались, отторгали, жаловались, не верили, убивались в опиумных комнатах от удушливости судеб и нравов. Уставали. Символы и образы были ближе собственного настоящего. Хотелось хотеть. И это было порядочно.

Сейчас публично радуемся, наслаждаемся, принимаем, меняемся, визуализируем, достигаем, преодолеваем, хотим жить и делать.

Времена не выбирают. Ничего не выбирают.

Ой, выбирают, конечно. Всё в наших руках. Если ты бедный, неуспешный, несчастный – ты плохо работал и сделал такой выбор. Не позитивно мыслил, вселенная тебя услышала и наказала. Но всё ещё можно исправить, вот тебе миллиард чужих версий, как. Моя первая. Друг, мы все тебя любим и поможем. Побежали....

Мне кажется, я была довольно игривым ребёнком. Мне нравилось внимание, чистые эмоции, когда можно набрасываться на людей, которые тебе нравятся, и их целовать из благодарности, что они есть. Громко смеяться с набитым ртом. Или сильно плакать при всех, не чувствуя себя плохим и слабым за боль, тебя одолевающую. Хмуриться в лицо неприятным детям и взрослым, доверяя собственной интуиции. Кричать и топтать ногами, когда злишься. Меня руга-

ли, конечно. Но к четырём уже всё случилось. Подтверждаю мнение психологов.

Подростком быть. Впитывающим пиво и уличные понятия, потому что нельзя, исследуешь, и именно они окажутся жизнеспособными, рок-музыку, потому что классные подружки любят рок, а ты в принципе ещё пустой, протестами против всех в школе и дома, только так получается и интересно. Хотя часто ещё неприятно и стыдно. Упрямый, сильный, едко смеёшься с «главное участие, а не победа».

Сам с неровными краями, недолюбленный, зависимый от людей и их оценочных придатков, уязвимый, но стойко о будущем. Своём и своих. Мы самые лучшие.

Подростком остаться. Ведётся отсчёт только для золотых шариков-цифр и подписок под фотокарточками со дня рождения.

Чувствовать себя странно почти всегда, без преувеличения. Странно спокойным, каким никогда не был. Всё получится. Странно отчаянным и бушующим по разным поводам. Остаётся только мечтать.

Ужасно талантливым, обласканным интеллектуальным меньшинством, трещащим от количества заявок на вступление. Глупым дураком, не знающим элементарного и не достойным жалкой кости.

Плохим человеком, слишком хорошим человеком.

Жадным до материального – покупающим неудобную обувь, наказывая себя, что ли.

Человек ищет и будет искать социального и индивидуального покоя, являя собой слияние облегчённости наличием заложенных внутри ответов и сильно усложняющих их поиск хаоса противоречий.

У бога получилось вмешаться лишь однажды. И всё тот же фундаментальный человек создаёт время.

Подавали опиумную трубку и слёзы.

Подают надежду, разбитую по абзацам красивыми улыбающимися лицами, у которых получилось.

То, что остаётся неизменным – протянутая рука.

Электрону

Мне кажется, что на меня повлияли в большей степени простые вещи, поставленные врожденной впечатлительностью, жизненными условиями и интуицией в определенные мыслительно-эмоциональные обстоятельства, в последствии делающие короткий эпизод или образ фундаментальным.

Да. Борхес был очень потом и опциональным.

Когда я была маленькой, мы ходили пешком с бабушкой до станции, минут 25 ходьбы. Дорога была очень живописная. За МКАДом всё немножечко чётче.

Мы выходили из дома обычно с утра, шли не быстро, бабуся очень пунктуальный человек и рассчитывала на ещё более маленькую скорость.

Это какая-то заключённая в ДНК условность носителей нашей культуры, и конечно же мне удалось получить конечную привычку опаздывать всегда и везде. Хотя бы на пять минут. Без малейшей толерантности к чужим опозданиям. Классика.

Да, сначала дойти до рынка мимо детских садиков и школ, протискиваясь сквозь старые бэхи. Потом кладбище домашних животных. Всегда очень грустно, с бабушкой обсуждаем преданность и предательство.

По маленьким лесным тропинкам над оврагом, внутри затоптанные костры. Одно из самых приятных движений ног.

Вниз, через дорогу, вверх, станция.

Внутри пахнет хлоркой и старой тряпкой, сидит пьяный дядька с расстёгнутыми штанами и грустный милиционер. Мы всегда на улице, ждём электричку. А в деревне прабабушка по-любому приготовила что-нибудь вкусенькое. Кайф.

Приехала!

Студенчество.

Открываю себе, насколько позволяют остатки стипендии и энтузиазм, другие города. В них теперь живут люди, которых я люблю и уважаю.

Первое января. Гора конфет на коленях одного, хлеб и 2 головки чеснока у второго. На соседних сидениях мужики отмечают и очень интеллигентно рассуждают о грядущих переменах на производстве. Тихо, осторожно и уважительно.

Нет.

Минское море. Тогда казалось, что больше, сильнее, чище, свободнее, ярче уже не надо и не нужно будет никогда. Глазами ребёнка, который и есть теперь та самая мама классная молодая подружка.

Ночные электрички со спящими вокзальными цыганами, уставшими тётями и курящими в тамбурах студентами. И ты среди них, без большой сумки, но с неожиданным уровнем вовлечённости в момент. Потухающий свет, ледяные твёрдые сидения, храпящие незнакомцы и вы. Спать не получается. Смеёшься с ничего, стараешься тихо. Осознанное об-

щество. Осознавшее, лучше так. Связанное символом, больше чем.

Концептуальной точкой на бесконечной кривой.

Тот самый, с трудом для меня, доступный разрез для неба. Всегда одинаковый. Заполняющийся проводами каждые 5 секунд. Летом над дачными панамками. Зимой злостно захлопнутый над глубоко поглощёнными капюшоном.

Почему наш глаз придумал, что будет выглядеть всё именно так? И почему вселенная согласилась? Лучше не прислоняться.

Точно угадали как минимум с голубым.

Молодость, романтика простого, весна и ветер то же цвета.

Отчаянно поэтично

Я пробывала сегодня писать о любви, но там слишком много, а я же пытаюсь встроиться в чей-то режим

Экранное время говорит, что в заметках отмечалась

Но это всё будто тени чужих мыслей, нахваталась, видимо, в других подкатегориях, входящих в 5 с очень лишним часов

Я не знаю, что не так

Может, это мои ментальные эксперименты, ведь я не только с этим писательским дерьмом имею дело. Мне есть ещё, от чего если не бежать, то приседать время от времени за намеренно редкими кустами

Может, резкая нехватка так необходимого человеческого фактора

Абсорбировать и превращать смесь в буквы, готовые к употреблению

Задачки, всегда со звёздочкой, в других я совсем не сильна

2/3 и 3/4 всё ещё кажутся мне чем-то одинаковым

Сколько себя помню: событие ведёт к реакции, следом всегда встряска, потом накапливание/восстановление, после анализирование, затем погружение, потом вытачивание, сборка, общий критический осмотр с возможной выборочной проверкой детализации и прекрасное освобождение

Так я пишу тексты, так я потрещаю мир

Всегда думалось, что я такая именно для этой цели

Писать

Никакой жертвенности, это найденный ещё в детстве большой смысл; задирала нос, конечно, сорокалетние повсюду жаловались, искали, а я бабушке кругляши рифмованные лепила по случаю и без с лет шести, кажется

Страшно

Обращаюсь к старшим братьям, читаю их дневники, копошусь в адресованных мне текстах

Буду держать в курсе результатов найденного

Что, если это конец

Писатель-Я на меня из зеркала смотрит прямо, готовый, в принципе, идти

И как-то уже сокрушаться по этому поводу не получается

Получается просто не писать

Дурацкая дворовая рубленая честность

Я всматриваюсь в экран, исписанный моими буквами про молодую сконфуженную женщину, и ей хочется сейчас попроще и поясней

Не забивай и не сдавайся

Ты нужна этим заметкам в статистике экранного времени

И мы пока с тобой не знаем, что следует за освобождением

Давай поглядим

Фил. 5

Этим летним утром думалось о доброте человека.

Что это за категория, почему она каким-то образом в моём сознании долгое время воспринималась, как что-то данное, типа растительности на теле, языка, утомляемости. Не редкое, поэтому не искомое голодным подростковым духом.

Оно подразумевается, выделять, особенно если это оформили в одёжку «хороший», даже неприятно.

Типа пока вокруг есть «очень харизматичный», «суперсексуальный», «чертовки умный», «нестандартно мыслящий», хороший – это хорошая одинокая учительница, хороший старательный дворник, хорошая свинина попалась, погода хорошая, и ты тоже хороший.

Усреднённый, приятный для всех, приемлемый, разбелённая краска.

Но отклеиваются первые обои, с которыми дом сдали, и приходится стены изучать, выравнивать, потеть, чтобы не просто не были голыми, а нравились, приносили, соответствовали.

Человек растёт, выходит дальше школы, университета, где главное зло – это лень, пиво, первые философские подзатыльники, читающие лекции родители и конченный конформист-препод.

Человек выходит и не попадает в общество уродов. Он

постепенно, наедине знакомится с миром, его муравьиной сложной системой, держащей нас вместе, как уже плохо пахнувший, но пока ещё работающий клей. Проблемы становятся ниже и глубже одновременно.

Есть, ибо голод. Есть хорошо, ибо эго. Человек – человек, но лучше добрый.

Наполнение теперь рвётся в сонные глаза через темноту, как фары дальнего света. Такое время.

На отвесном пути вверх камни чаще и чаще прилетают между бровей, и хочется каким-то самым уязвимым отсеком мозга надеяться, что кто-то эти брови потом заботливо соберёт. Просто так.

Общие вены. Ты прогоняешь себя подобно жидкости самогонного аппарата. Докапываниями уставшего зануды, когтистыми страхами и сомнениями. И если люди и воздействуют друг на друга, хочется врезаться в чистых душой. Светлые помыслы, это всегда важнее итогов.

Человек неоднороден. Он борется с рождения. Учится разбитыми слезами, а лечится верой.

Добро.

Поселившееся в Прачеловеке.

И от каждого живущего зависит, будут ли когда-нибудь смахивать древний песок аккуратными кисточками с человека совестливого, старающегося, светлого.

Или всё же уберём.

Сильная женщина

Сильная женщина чувствует себя вторым сортом.
Детские травмы, злые куластые взрослые.
Схватит сначала знакомый якорь за бортом,
Мочит солёным белые щёки мёрзлые.

Роли раздали, с тех пор она самозанята.
И вовсе не тесно, но прыгать как-то не хочется.
Сильная женщина всё ещё тщательно ранита.
След неприятельских мыслей подошвой волочится.

Сильная женщина может взорваться, янтарною
пылью покрыв ожиревшие линии улиц.
Ответом не стала б пощёчина сверхпланетарная,
И нет больше смысла в страхе шлепка лицо жмурить.

Она разлетелась, она в звезде сути вынашивает.
Мирское-ментальное будет лишь маленьким грехом.
Сильная женщина чувствует много и спрашивает,
Молчанье сменяя от взрыва янтарного эхом.